

— У меня... появилась подруга, — в голове звенело от криков, но вслух пришлось отвечать уклончиво. И хотя я так легко отбросила слово муж, произнести заветное слово жена так и не решилась. На среднем пальце левой руки ярко блеснул камень, и я подняла руку, показывая его ему. — Это кольцо она мне подарила.

— Вы помолвлены? — Нин Чжюань, казалось, был ошарашен. Он переводил взгляд с кольца на моем пальце на мое лицо, не в силах поверить в услышанное.

— Можно и так сказать, — я улыбнулась, стараясь выглядеть счастливой, хотя за этой сладостью скрывалась горечь, которую ему не дано было разглядеть. — Старший брат, я не хочу, чтобы ты меня неправильно понял. Просто это мое личное дело, поэтому я никому не говорила.

— Ничего, я понял. Я не виню тебя, виню только себя. Я... я... — Лицо Нин Чжюаня то краснело, то бледнело, он путался в словах и вдруг вскочил со своего места. — Мне нехорошо, я не буду доедать. В другой раз, пригласи меня в другой раз. Прости, я был слишком бесцеремонен!

Я смотрела, как он, словно спасаясь бегством, развернулся и ушел. Мне оставалось лишь тяжело вздохнуть — сказать было нечего.

— Ого, не ожидал, ты уже помолвлена? — внезапно раздался знакомый голос. Я вздрогнула: судя по звуку, она стояла прямо за спиной.

— Это ты? — я почувствовала досаду. Казалось, каждый раз при встрече с ней я могла произнести лишь эту фразу.

— Привет, красавица, не составишь компанию? — она игриво улыбнулась и, не дожидаясь ответа, села напротив. — Ты постоянно говоришь одно и то же, мне пришлось сменить пластинку, а то слишком уж скучно.

Ее слова заставили меня улыбнуться. — Что ты здесь делаешь?

— Опять та же фраза? — она рассмеялась. — Цзимо Сыгуй, ну до чего же ты скучная.

Я кивнула, соглашаясь:

— М-м, я и сама считаю себя ужасно скучной. Ну, так что привело тебя сюда?

Она осеклась, рассмеялась, а через мгновение ответила:

— Проезжала мимо, проголодалась, решила зайти перекусить.

Встретившись с ее взглядом, я почему-то почувствовала себя неловко. Быстро отвела глаза, глянув на ее шею — те яркие следы почти исчезли, и я немного успокоилась.

— Ты здесь по делам?

— Нет, договорилась встретиться с другом в том здании.

— О, тогда не буду тебя задерживать.

— Время еще есть, — она не спеша разглядывала меня, ее взгляд, казалось, проникал сквозь мою растерянность. — Почему мне кажется, что ты меня боишься?

— С чего бы это?

— Ну и отлично, — она улыбнулась и посмотрела на часы. — Еще рано, может, я угощу тебя чем-нибудь?

Я указала на меню на столе:

— Спасибо, но я уже сделала заказ.

— Ладно, давай начнем сначала. Время еще есть, может, ты угостишь меня?

Ее улыбка сияла, в ней чувствовалась какая-то необъяснимая сила, способная лишить воли. Я не решалась долго смотреть ей в глаза.

— Хорошо, без проблем. Что хочешь, заказывай сама.

— Ха-ха, я уже поела, просто дразню тебя, — она покачала головой, ее глаза блеснули и вдруг сфокусировались на чем-то. — Завтра у меня гонка с Хуланом. Помнишь его? Тот тип, что приставал к тебе в тот день. Ну что, придешь посмотреть?

— Ты опять участвуешь в гонках? Неужели нельзя отказаться? — я искренне не любила такие опасные развлечения, мне казалось, что это пренебрежение собственной жизнью.

— Конечно, нельзя. Я уже дала слово, будет неловко, если не приду. Знаю, ты не любишь гонки, давай так: если я выиграю, я угощаю тебя ужином?

— А если проиграешь?

— Если проиграю — ты угощаешь меня!

— ...

— Госпожа адвокат Цзимо, в конце концов, я ведь тебя когда-то спасла.

Ее тон был легким, взгляд ясным, и у меня не нашлось причин для отказа, к тому же от этого обращения госпожа адвокат у меня по спине пробежали мурашки. Пришлось поднять указательный палец:

— Добавим условие.

— Говори, — ее глаза загорелись, и она по-детски дернула уголок рта.

— Независимо от исхода, я угощу тебя ужином. Но, пожалуйста, не называй меня больше этим госпожа адвокат, договорились? — Если кто-то услышит, я со стыда сгорю.

Она охотно кивнула и щелкнула пальцами:

— По рукам.

С той пьянки прошло немало дней, и вот Чжунся наконец пришла забрать у меня машину. Пришла не сама, а позвонила с просьбой о помощи: Я перебрала, приезжай в Waiting, заberi меня...

Я в спешке поехала туда и увидела, что столик заставлен бутылками и бокалами, а Чжунся сидит, свалившись набок, длинные волосы закрывают лицо.

— Чжунся? Проснись, ну же, проснись. — Хорошо еще, что ее здесь знали, и владелец бара присматривал за ней, иначе она могла бы напиться до беспамятства и попасть в беду.

Увидев меня, она полуоткрыла глаза и хрипло рассмеялась:

— Все-таки ты самая лучшая. Стоило позвать, и ты сразу приехала.

— Что за глупости ты говоришь, — я достала салфетку, вытирая пятна вина с ее лица. Видя ее потухший взгляд, я все поняла. Очень не хотелось спрашивать, но промолчать было невозможно. — Ты опять поссорилась с Чуся, да?

В дружбе я была верна до конца. Я умела молча выслушивать чужие тайны, не выказывая лишнего любопытства. Чжунся выбирала меня своей доверенной, потому что я была идеальным тайником: все то, о чем трудно было сказать вслух, она доверяла мне, зная, что я буду хранить молчание.

У Чжунся была тайна, о которой, кроме меня, она никому не рассказывала. Она была тайно влюблена в свою кузину Чуся. Назвать это тайной влюбленностью было не совсем точно, но, по

крайней мере, ее привязанность и желание обладать Чуся всегда выходили за рамки обычных сестринских чувств.

— Какая ссора? О чем ты? Если бы она хотя бы согласилась со мной поссориться, это было бы еще полбеда, — Чжунся стиснула зубы. — Знаешь, что я в ней ненавижу больше всего? Ты ведь знаешь, да? Она всегда такая холодная, словно я для нее всего лишь младшая сестра, ничего не значащая сестра. У меня даже нет права спросить о чем-то!

— Что же случилось? Расскажи мне, — я была старше ее на два года, к тому же искренне переживала за эту добрую и искреннюю девушку.

В этот раз все было серьезнее, чем обычно.

— Она помолвлена. Тетя сказала, что все уже решено, дедушка дал свое согласие. Как только ее жених закончит проект, они вернутся в страну и проведут церемонию. Сыгуй, я могу рассказать об этом только тебе. Остальные меня не слушают: Чуся со мной не говорит, даже Ванесса советует мне успокоиться и перестать устраивать сцены!

Я застыла. Вот как. Значит, Су Мань тоже советует другим отступить. Трудно сохранить чувства, правда? Но как бы трудно ни было, если двое идут навстречу друг другу, разве есть преграда, которую нельзя преодолеть? Сердце снова зануло. Эта душевная боль была куда сильнее физической. Я не Си Ши и не Линь Дайюй, но из-за нее стала страдать этим синдромом болезненных воспоминаний, который, как я поняла, уже давно стал неизлечимым.

— Я и с Ванессой поругалась, — Чжунся всхлипнула. — То, что она говорит, меня ужасно злит. Она сама тебя забыла, а теперь учит меня забыть о своих чувствах. Не хочу! Я... я не такая трусиха, как она! — Она внезапно подняла на меня глаза, помолчала несколько секунд и добавила с горечью: — Прости, я не должна была говорить о Ванессе при тебе...

Глупая девочка, ее собственный мир рушится, а она все еще беспокоится о чужих чувствах.

— Все в порядке, Чжунся. Она не какое-то постыдное воспоминание. В моем сердце эти чувства навсегда останутся светлыми, мне нечего скрывать.

— Сыгуй, ты... ты стала такой смелой, — Чжунся потерла глаза, слезы намочили тыльную сторону ладони, в свете ламп они казались прозрачнее любого кристалла. — А я... я даже хуже, чем ты раньше. Вы с Ванессой хотя бы были вместе, а у нас с ней даже начала не было, а все уже навсегда кончено. До чего же смешно.

— Чжунся, ты правда так сильно любишь Чуся? Или тебе просто жаль отпускать ее, ты не хочешь, чтобы она уходила?

— Даже ты сомневаешься во мне?! — Чжунся почувствовала себя оскорбленной. — Сыгуй!

— Я не сомневаюсь, — поспешно ответила я. — Я хочу, чтобы ты сама разобралась, чего хочешь и что будешь делать дальше. Чжунся, иди домой, выпишись. Или, если не сможешь уснуть, просто иди и поговори с Чуся. Любое из этих действий лучше, чем напиваться в баре.

— Поговорить с ней? — в глазах Чжунся вспыхнула надежда, но тут же погасла. — Какой в этом толк? Она слушает только тетю. Прямо как Ванесса!

— Глупышка, даже я вижу, что Чуся дорожит тобой, — характеры у них были совершенно разные: Чуся была холодной, немногословной, и лишь с немногими людьми была приветлива. И Чжунся явно была той, о ком она беспокоилась больше всего.

— Если она дорожит мной, почему согласилась на помолвку?

— Возможно, чтобы защитить тебя, — в голове мгновенно прозвучал голос той женщины, словно заклинание: Сыгуй, я хочу защитить тебя.

— Мне не нужна такая защита! — это наивное и инстинктивное возражение по тону было в точности как у меня когда-то.

В голове все закипело, и я, не раздумывая, выпалила:

— Тогда иди к ней и расскажи обо всем, что у тебя на душе! Даже если она откажет тебе и все равно выйдет замуж, по крайней мере, у тебя не останется сожалений. Чжунся, я не хочу, чтобы ты потом жалела, как я. Когда вспоминаешь — больно, очень больно.

Я была слишком категорична. Я слишком упростила ситуацию между ней и Чуся, забыв, что они кузины, и их родственная связь — куда более глубокая пропасть, чем та, что лежала между мной и Су Мань.

<http://bllate.org/book/20770/2084026>